

Семнадцатилетним Михаил Ильич Рязанов, бросив ФЗО, добровольцем ушел на войну. В декабре 1941 года под Тулой получил боевое крещение и первую самую дорогую боевую награду, медаль «За отвагу».

С 12 мая 1942 года по 8 мая 1945 года в составе 324 гвардейского отдельного минометного дивизиона, третьего Минского, Котельниковского танкового корпуса, пятой армии разведчик Рязанов оборонял Сталинград, форсировал реки Березину и Одер, освобождал города и села.

Боевой путь разведчика Рязанова отмечен двумя медалями «За отвагу», медалью «За оборону Сталинграда», орденами «Славы» второй и третьей степени, орденом Отечественной войны первой степени.

После войны М. И. Рязанов вернулся домой. Женится, работал в РК ВЛКСМ, райспорткомитете, мастером, начальником, техруком в окрестных лесозаготовках, промкомбинате. В прошлом году овдовел. Живет по-военному, в своем, собственными руками построенном доме с младшим сыном. В один из зимних вечеров я записал воспоминания ветерана.

П ОСЛЕ поражения под Москвой немцы во что бы то

К 50—летию Сталинградской битвы

«Колючая» земля

ни стало хотели взять Сталинград. День и ночь они бомбили город, обстреливали из орудий. Шли бои уже за жилые кварталы города. По всей линии фронта стоял всемогущий грохот, пороховая гарь и зарева пожаров.

По несколько атак отбивали мы за день, переходили в наступление, но силы не хватало, и в конце концов наш дивизион был прижат к самому берегу Волги. Из окопов за спиной мы слышали плеск воды в Волге, а спереди захлебывающиеся голоса из немецких репродукторов, призывающих нас прекратить сопротивление и сдаться. Из всех военных переделок это время было самым страшным. Кто-то действительно тухнул, разувался, кто-то материл немцев: «Хрен вам, не возьмете!». А в воздухе уже витало что-то обнадеживающее. В одну из ночей в наших репродукторах раздавался голос главнокомандующего Сталина выступил с обращением к защитникам города. Слушали его с надеждой, затаив дыхание, но обещаний и посулов не услышали. Запомнил одно: «За Волгой для нас земли нет!». Это значило — умри на этом берегу или победи. — другого берега нет.

А по окопам от солдата к солдату разносилась весть о приближении на фронт Жукова. Это нам говорило о многом. Около нашего наблюдательного пункта саперы построили блиндаж в три наката, как потом оказалось, он был предназначен для командного пункта Жукова. В этот блиндаж стекалась вся оперативная информация о положении в войсках, доносился разведчиков о действиях противника. В это вре-

мя никто не говорил о наступлении. Шли непрерывные бои, помы, разведчики, уже догадывались о готовящемся ударе.

В один из ноябрьских дней мне было поручено доставить пакет в соседнюю дивизию. Командир дал понять, что приказ идет сверху: «Приказ вышше и выше живым». — говорит. Ну я и полетел. Ни грохот снарядов, ни свист пуль, кажется, не слышал. Вернулся. А докладывать пришлось самому командующему. Он выслушал. Посмотрел на часы: «Молодец, — говорит, — быстро управился. В мирное время присвоил бы тебе звание мастера спорта».

Ночью по рации секретно сообщили о том, что в 6 часов утра наступление. Началось наступление на всем сталинградском фронте. Немцы сильно сопротивлялись, потому что при отступлении их ничего хорошего не ждало. Стерлась привычная линия фронта и обычное расположение войск. Разведчики и пехотинцы, минометчики и артиллеристы вели бой на одной линии. Пехота дралась врукопашную, а рядом артиллеристы силой орудий выбивали немцев из домов. Земля дымилась, вздымалась до неба, как серпом косило людей, разрывало на части, казалось, весь мир воюет и нет выхода из этого ада. Но мы выбили фашистов из города.

Венюминная бой на развалинах Сталинграда, все удивляюсь, как выжили те сталинградцы, которые не покинули город и свои дома даже после того, когда фашисты превратили их в свои крепости. После освобождения жилого квартала мы с удивлением обнаружили вылезших из подва-

лов и развалин оборванных, обесчеленных женщин, детей, стариков. Они поделили судьбу родного города со своей — не покорились. Они свято верили в Победу, и она пришла.

После освобождения Сталинграда наш танковый корпус, сметая фашистов, вышел к городу Калач и освободил его. Валюша от усталости и бессонницы, но отдыхать некогда. Успех операции заключался в молниеносности окружения немецких войск. «В Калаче не окопайтесь, в Калаче поворачивайтесь», — шутили мы друг над другом, опытные победы, а впереди был город Котельниково. Немцы успели укрепить город свежими войсками. Бой был жестоким, но наш корпус выбил фашистов из города, открыв дорогу к Ростову. После освобождения Котельникова боевые части нашего корпуса сильно поредели, но мы выполнили свою задачу. Корпус было присвоено звание «Котельниковский». После освобождения Ростова нас отравили в тыл на перестроение.

В горячке боев мы много не замечали. Тогда нам казалось весь мир воюет, а вот когда возвращались по местам боев, увидели, до чего дошли немцы, во что превратились сталинградские поля. Помню у одной из станций вдоль железнодорожной насыпи рядами уложенные трупы немецких солдат, и все голые. Вся одежда с мертвых спяли, видимо, живые, чтобы спасти себя от мороза, а на ногах мертвые остались одни «портянки» из соломы. По дороге встречали трупы убитых лошадей, но и у них не хватало отдельных частей тела, что говорило о том, что армия Паулюса дошла «до

ручки», как армия Наполеона в 1812 году.

Больно было смотреть на сожженные деревни и села, на искоженные снарядами леса, с железом и кровью смешанные возжские черноземы на полях. На привале я хотел потрогать землю. Коснулся, а ладошь наткнулась будто на ежа. Приглядевшись, а земля оцетинилась жестковатой осколкой, живого мела нет. Вот до чего довели матушку.

Пятьдесят лет прошло после этого, а было будто вчера. И сейчас редкую ночь не снится увиденное и пережитое тогда. И по сей день помню запахи пороховой гарь и пожарнич, помню таких же парней как я, воевавших рядом, но оставшихся там в колочей земле братских могил на берегу Волги. Вспоминаю, и в четверть станет. Выше. Вроде отлжает, а из глаз слезы — боль не уходит. Так и живу... Надо жить, ведь у меня пятеро детей. Без матери им, как солдату Родина, — нужна опора.

Второго февраля исполняется 50 лет со дня окончания Сталинградской битвы, которая стала началом Победы над фашистской Германией. Поздравляю с юбилеем этой победы сталинградцев-земляков Александра Григорьевича Воробьева, Петра Ивановича Сергеева, Василия Дмитриевича Сосуева из с. Уинское, Ингаматулла Нигаматова из с. Верхний Сып, Андрея Семеновича Демкина из д. Верхняя Аса, однополчанина-разведчика Сергея Устиновича Филатова из д. Михино. Здоровья вам, и дай Бог, чтобы такие юбилеи больше не пришлось отмечать никому кроме нас.

В. ДЕНИСОВ.

Бойцы вспоминают минувшие дни

От Сталинграда до Берлина

вагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», орденом «Славы» третьей степени и орденом Отечественной войны второй степени.

В ОТ И ДОЖИЛИ мы до 50-летия победы в Сталинградской битве. Пожалуй, никто из нас тогда, под Сталинградом, суровой зимой 1942—1943 годов, не думал остаться в живых, а уже тем более дожить до сегодняшних дней.

Наш противотанковый дивизион формировался в городе Кунгуре. Во взводе противотанковых ружей у нас было одно ружье на двоих. К нам на технические занятия приехал Ворошилов. Посмотрел, чему мы научились и, как говорят, благословил на фронт. Наша часть погрузилась в эшелоны и нас повезли через Казань на Саратов, где мы стояли еще месяц. Потом пешим маршем нас отравили на Сталинградский фронт. Шли скрытно по ночам, а днем отдыхали. 4 сентября 1942 года наш 233 артополк прибыл к месту назначения у деревни Дубовка. Возле ветряной мельницы мы начали рыть окопы.

Не успели мы окончатся, как начало светать и немцы пошли в наступление. Первую атаку пехоты и танков отбили, и немцы повернули назад. Мы воспряли духом, но вскоре они снова полезли. Так атака за атакой по 5—6 раз в день. Казалось, что вся земля горит: то бомбят, то артополк проводят по переднему краю, а мало того еще летает «рама» — это итальянский двухфюзеляжный бронированный самолет — и корректирует огонь немецких батарей, чтобы были точно по цели.

В передышки между атаками с «рамы» сбрасывали листовки. В них немцы писали о том, что мы в подкове и выход нам ть-

ко в Волгу. Предлагали сдаться. Или еще. Простреляют пустую бочку и бросают ее с «рамы». Бочка летит вниз, визжит, воет. Думаешь, упадет эта дура, так вся земля разорвется. И еще бросали тракторный плуг. В общем, немцы изошлись как могли, и любой ценой хотели выбить нас из окопов, сбросить в Волгу, занять Сталинград. А нам назад пути не было и мы стояли на смерть. Но были и такие, кто не выдерживал этого ада. Помню узбека, забитый какой-то был. За деньги он подговорил товарища, чтобы тот прострелил ему руку. Ну, товарищ согласился, да испугался, вдруг узнают — тогда трибунал. Пошел и расказал обо всем комбату. А комбат не дурак. Трусов ему, да в такой заварухе не падо. «Стреляй, — говорит, — раз договорился, но если жить хочешь, — не в руку, а ниже». Солдат ушел. Сделал все, как договорился и с узбеком, и с комбатом. Утром полк облетела весть о том, что ночью застрелен дезертир. Солдата того наградили орденом «Красной Звезды». Война, было и такое. А между тем немцы наращивали натиск. День ото дня нас становилось все меньше. Нас из Черемиски было девять человек. Осталось четверо. Убило Ладейникова Митю, Бочарова Ваню, Курганова Ваню, Курганова Васю, мои друзья погибли на моих глазах. Рашило Суворова Мишу, и его отравили в медсанбат, а восьмого сентября под перекрестным огнем минометов погиб мой напарник, меня ранило в левую руку, а ведь в то время не всем нам было и по 18 лет. Я попал в Саратовский госпиталь. После того, как срослись кости, меня вывели и снова направили на фронт под Сталинград. Сказали, что раня там заживет.

Я ПОПАЛ в артбатарейо 45-миллиметровых орудий наводчиком. С этим орудием добивал немцев в Сталинграде. Шаг за шагом мы выбивали немцев из города. Освободили район тракторного завода, а у поселка Городище я первый раз увидел, как стреляет «Катюша». Стреляла батарея из четырех установок термитными снарядами.

Под немцами горела вся земля. Тогда они стали обстреливать нас из минометов со слезоточивым и нервнопаралитическим газом. Вот разорвется мина, и солдат умирает со слезами и жутким смехом. Жутко что творилось. Вспоминаю страшно и больно. В этом аду люди гибли, как мухи: кто-то от пули, кто-то от газа, а кого-то заживо хоронило разрывающимися снарядами. Мало было тех, кого обошла «старуха-смерть с косой». Но как бы ни было мы, живые и мертвые, победили, защитили Сталинград и разбили немецкую армию. После сдачи армии фельдмаршалом Паулюсом мы три дня по подвалам домов и землянкам собирали пленных немцев. В это время стояли крепкие морозы. Отдельные группы немцев отказывались вылезать на мороз, оказывали сопротивление. При выкуривании противника в одной из землянок двое наших товарищей были тяжело ранены, но город мы очистили от этой чумы. Оборванных, заматанных в тряпье немцев собирали в колонны и отправляли за Волгу.

П ОСЛЕ Сталинградской битвы в полку нас оставалось совсем мало. Нас направили на перестроение в резерв главного командования. Нашей 62 армии присвоили звание Гвардейская 8-я армия. Вместо треугольного на петлицах на нас одели погоны с лычками и звездочками. Наш полк получил новые

орудия и «студебеккеры». Сформировали полные расчеты. Я получил 76-миллиметровое орудие.

В один из этих хлопотливых дней за обедом объявили тревогу. Нас направили на Орловско-Курскую дугу под станцию Прохоровка и сразу в бой. Нашего полка как не бывало. Задавили нас немецкие танки своим превосходством — сломили. Вот тут я отступал со своим орудием 8 километров. На наше счастье подошли эшелоны с Уральским танковым корпусом. Наши мины тридцатьчетверки пушили в хвост и в гриву немецкие «пантеры» и «тигры». И мы пошли в наступление.

С ходу освободили Полтаву. Нашей дивизии за боевые успехи при освобождении города присвоили звание Полтавской. После Полтавы освободили Кременчуг. В общем, я дошел до Берлина и брал Рейхстаг, на степях которого оставил свою роспись. Пусть помнят Васю Сосуева из Черемиски и всех моих земляков, которые не дошли. На дорогах войны много потерял я хороших боевых товарищей. При форсировании Днепра утопил пушку. Тоже жаль. Хорошая была защитница. За Полтавой меня еще ранило. Не жаль. Зато испытаю радость полной Победы над врагом. В мае 1945 года на площади Рейхстага я стоял полным хозяином Земли над поверженным, обгорелым трупом фашиста идеолога Геббельса, который считал меня своим рабом.

Вот так закончился мой солдатский боевой путь от Сталинграда до Берлина. Сегодня мое артиллерийское поздравление всем защитникам Сталинграда, всем, кто дожил до этого славного юбилея.

В. СОСУЕВ,
старший сержант,
участник Сталинградской битвы.

Василий Дмитриевич Сосуев, уроженец д. Черемиска Ординского района, живет в красивом, уютном доме на Уинской улице возле говорливого чистого ключа. После окончания ФЗО работал в колхозе. Летом 1942 года призвался в армию. Боевой путь Василия Дмитриевича начался осенью 1942 года под Сталинградом, а закончился в Берлине. В 1947 году он демобилизовался. Работал шофером Судинской МТС. Женится. Переехал в Уинское и снова шоферил в МТС. Последние годы работал в пожарной части. Вырастил двух сыновей и дочь.

Боевой путь В. Д. Сосуева Родина отметила медалями «За от-